

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: ОПЫТ ОБЪЯСНЕНИЙ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыта сущность социальной жизни как действий людей, которые ориентированы на ценности и нормы, составляющие основу социального порядка. Рассмотрены объяснения причин и механизмов этих действий в истории социальной мысли. Показано, что сознательное следование ценностям и нормам социального порядка обусловлено прежде всего тем, что человек понимает их полезность для реализации своих интересов. Это обеспечивает предсказуемость поведения и его общественную целесообразность и взаимность в отношениях между людьми. Регуляторами социально ориентированного поведения принято считать следование нормам права и морали, признание легитимного характера власти, социальные ожидания, интеракции и хабиитуализацию.

Ключевые слова: общество; социальная жизнь; социальный порядок; общественный договор; легитимная власть; социальные роли; социальные ожидания; интеракции; хабиитуализация.

SOCIAL LIFE: EXPLANATION EXPERIENCE

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the essence of social life as the actions of people who are focused on the values and norms that form the basis of the social order. The history of explaining the causes and mechanisms of these actions in the history of social thought is considered. It is shown that the conscious adherence to the values and norms of the social order is primarily due to the fact that people understand their usefulness for the realisation of their interests. This ensures predictability of behaviour, its social expediency and reciprocity in relations between people. Regulators of socially oriented behaviour are considered to be adherence to the norms of law and morality, recognition of the legitimate nature of power, social expectations, interaction and habitualisation.

Keywords: society; social life; social order; social contract; legitimate authority; social roles; social expectations; interactions; habitualisation.

Социальная жизнь – это действия людей, делающие возможным их сосуществование. В эпицентре организации совместной жизни лежит социальный порядок, который обеспечивает функционирование и развитие, единство различных человеческих групп, общества в целом. Следование ценностям и нормам, в которых выражается порядок, составляет основу социальной жизни. Практическим опытом совместного существования выработаны меха-

низмы их интериоризации, т. е. признания людьми. Ценности и нормы социального порядка, формы их институционализации, внутреннего принятия, усвоения и реализации обществом стали предметом обсуждения многих известных мыслителей. Впервые они были отчетливо представлены в конфуцианстве и философии Античности.

У Конфуция поддержание порядка в обществе, а значит, и организованная совместная жизнь

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Социальная жизнь: опыт объяснений. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;2:19–25.

For citation:

Rubanau AV. Social life: explanation experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:19–25. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

людей, основываются на соблюдении двух базовых принципов: следования нормам социальной иерархии и выполнения ритуалов. Необходимость строгого иерархического устройства он выразил словами: «Государь должен быть государем, слуга слугой, сын сыном, отец отцом» [1, с. 90]. Взаимоотношения между разными социальными группами должны быть основаны на строгом повиновении младших старшим, детей родителям, подчиненных и подданных чиновникам и государю. Для обоснования этого принципа Конфуций разработал учение о сыновней почтительности, сформулировав его следующим образом: «Молодые люди должны выказывать почтительность к родителям, а вне дома уважительность к старшим» [1, с. 20].

Другой базовый стержень социального порядка – ритуал – означает строгое следование нормам и правилам поведения, обычаям, обрядам и церемониям, которые восходят к культуре предков. «Мораль, добродетель всегда будут укреплены... если с достоинством мы будем относиться к памяти умерших предков и с достоинством будем припоминать их деяния» [1, с. 21]. Атрибутами ритуала являются строго установленная форма и демонстративный характер исполнения. «Ритуал полезен потому, что он приводит людей к миру, согласию. Гармония же ритуала воспроизводит как прекрасное дао многих царей, а им необходимо следовать и в малом, и в большом, так как они совершали все свои дела в соответствии с ритуалами. Нельзя делать то, что не соответствует ритуалу, потому что разрушение гармонии ритуала будет ограничивать само деяние» [1, с. 22]. Организующая социальная роль ритуала чрезвычайно велика, поэтому «то, что неприемлемо для ритуала, то и пагубно для глаз; то, что чуждо ритуалу, нельзя и внимать; то, что плохо для ритуала, нельзя обсуждать; то, что не подходит для ритуала, нельзя исполнять» [1, с. 87–88].

В учении Платона основу совместной жизни людей составляет разделение труда. Объясняя возникновение государства, Платон исходил из того, что его создают потребности людей. Человек не может удовлетворить их сам, поэтому люди собираются воедино, чтобы жить сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает название государства [2, с. 130]. По мнению Платона, самая большая потребность – это добыча пищи для существования и жизни, вторая по значимости – жилье, третья – одежда и т. п. Первое сословие государства составляют производители этих благ – земледельцы, строители и ткачи. Для удовлетворения растущих потребностей людей, как рассуждал Платон, необходимы, во-первых, расширение территории государства прежде всего за счет соседей, во-вторых, защита от подобных притязаний с их стороны. Межгосударственные конфликты ведут к формированию второго сословия, состоящего из воинов (стражей).

Управлять государством призваны представители третьего сословия – мудрецы-философы, которые не потворствуют мнению толпы, отличаются стремлением к познанию истины, способностью охватить мыслью «целокупность времени и бытия» [2, с. 191]. Их главное назначение – устанавливать и оберегать разумные и справедливые законы.

Социальный порядок в идеальном государстве Платона основывается на принятии людьми иерархического характера общественного устройства, которое образуется на основе разделения труда. При этом, как считал Платон, следует учитывать, что выполнение людьми социальных обязанностей будет эффективным при учете их личных интересов. Таким образом, при росте и благоустройстве государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным и не допускать проникновения в государство двух социальных зол: богатства и бедности (поскольку первое ведет к роскоши и лени, второе – к низостям и злодеяниям) [2, с. 191]. Платон обращает особое внимание на духовно-нравственные основы жизни в государстве: мудрость (здоровые решения), мужество как гражданское свойство, рассудительность, подобная некоей гармонии, и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. Справедливый человек несколько не отличается от справедливого государства, где три различных по природе сословия выполняют свои социальные обязанности [2, с. 219–221].

Согласно Аристотелю основополагающим структурным признаком государства является общение, которое организуется ради какого-либо блага. Все взаимодействия стремятся к этому или иному благу, но больше других к высшему из благ стремится то общение, которое наиболее важно. Оно, по его словам, называется государством, или общением политическим. Государство есть общение свободных людей [3, с. 376, 456], имеющее естественное происхождение. Его возникновение вызвано несколькими причинами: 1) человек по своей природе есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству; 2) к нему людей побуждает сознание общей пользы; 3) люди объединяются ради самой жизни, так как в ней заключается некое благоденствие и естественная сладость [3, с. 455].

Основу организации социальной жизни, по убеждению Аристотеля, составляют законы. Мыслитель задает риторический вопрос: «Под какой властью полезнее находиться: под властью лучшего мужа или лучших законов?» [3, с. 477]. И отвечает: поскольку закон беспристрастен, предпочтительнее, чтобы властвовал он, а не кто-либо из среды граждан. На контраргумент, что закон не в состоянии преду-

смотреть все возможные случаи, возражает, что и человек не в силах их предугадать. Зато в закон можно вносить поправки, если опыт покажет их необходимость. Главное преимущество закона состоит в том, что он представляет собой свободный от безотчетных позывов разум [3, с. 481–482]. Аристотель выделяет нравственные основы государства (наряду с законодательными основаниями), когда рассуждает о добродетели гражданина и раскрывает содержание понятия «справедливость». Добродетель гражданина заключается в умении властвовать и быть подвластным. Справедливость, как писал Аристотель, представляет собой государственное благо, т. е. то, что служит общей пользе.

Формирование социально-экономических основ стабильного и справедливого государства Аристотель связывает со средним классом. Обосновывая такую позицию, он выделяет в социальной структуре государства три части населения: очень состоятельное, крайне неимущее и то, которое стоит между первым и вторым. Исходя из тезиса, что для каждого человека главное – это умеренность и средняя жизнь, философ считает, что «средний достаток из всех благ всего лучше» [3, с. 507]. При его наличии легче всего повиноваться доводам разума. Человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению следовать этим доводам трудно [3, с. 507–508].

Автор теории общественного договора Т. Гоббс представил проблему социального порядка и обеспечивающих его действий людей в виде парадокса: как возможно общество, если «человек человеку волк»? Безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством договора, согласно которому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена, получая взамен гарантии защиты жизни и собственности. Из этой позиции исходит гоббсовское определение государства как единого лица, ответственным за действия которого сделали себя множество людей (путем взаимного договора между собой), чтобы это лицо могло использовать их силу и средства так, как сочтет необходимым для мира и общей защиты людей [4, с. 133].

Раскрывая личностные основания заключения общественного договора, Т. Гоббс писал: «Страсти, делающие людей склонными к миру, есть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к согласию. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами» [4, с. 155]. В числе естественных законов, т. е. норм поведения людей в общественной жизни, Т. Гоббс назвал следующие:

- искать мира и следовать ему, защищая себя всеми возможными средствами;
- довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую допускают другие по отношению к себе (в случае готовности других к миру, если того требуют интересы самозащиты);
- выполнять заключенные ими соглашения;
- стремиться к тому, чтобы человек, который оказал благодеяние лишь из милости, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте;
- приносившиеся ко всем остальным;
- прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого;
- сообразовываться при отмщении не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением;
- не показывать делом, словом, выражением лица или жестом неприязнь к другому;
- признавать других равными себе от природы;
- не требовать при вступлении в договор предоставления себе какого-либо преимущественного права, на обеспечение которого другому человеку не согласился бы;
- рассудить спор между людьми беспристрастно;
- использовать неделимые вещи сообща, если это возможно, и без ограничений, если количество вещей позволяет, а в противном случае, – пропорционально числу тех, кто имеет на них право;
- устанавливать поочередное пользование либо первоочередное владение и пользование по жребию при равном праве владения (жеребий может быть двоякого рода: первый – установленный, т. е. тот, который устанавливается соглашением сторон, второй – не установленный, или естественный, возникающий в результате, например, первородства);
- давать гарантии неприкосновенности тем, кто является посредниками мира;
- не быть судьей самого себя;
- подчиняться решению арбитра в случае спора;
- не быть судьей в деле, в котором в силу естественных причин имеешь пристрастие;
- выслушивать аргументы всех сторон в судебном разбирательстве [4, с. 156–182].

Основоположники социологической науки пытались дать свои объяснения проблемы порядка в том виде, в каком ее сформулировал Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни.

У О. Конта особую роль в организации общественной жизни играет рост социального чувства. Говоря об этом процессе, он выделял эгоистические, семейные и социальные инстинкты (чувства) человека. В «эпоху детства человеческой жизни» [5, с. 81] основную роль, по его словам, играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Уменьшение влияния эгоистических инстинктов и пробуждение социальных чувств происходило по

мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения, хотя личные инстинкты преобладали и будут преобладать всегда. Ничего порочного в этом нет. «В самом деле...каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Нужно опасаться только слишком слабой интенсивности социальных чувств» [5, с. 81–82]. Развитие ума равносильно возрастанию инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии.

Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно в ней человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. О. Конт отводил особую роль женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительностью, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, вызывая чувство зависимости от других и сознание личного значения. Это происходит более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и к чему лучше подготовлен. Вместе с выгодами специализации возрастают ее неудобства. В результате дифференциации людей по профессиональному признаку социальные чувства распространяются только на лиц одинаковой профессии. Вызванные разделением труда умственные и нравственные различия между людьми требуют постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разлад между ними. Обеспечение порядка – функция государства [5, с. 83, 89].

Г. Спенсер, исходя из особенностей механизма регуляции общественной жизни, выделил военные и индустриальные общества. «Характерной чертой военных обществ является принуждение... Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным сотрудничеством»¹ [6, с. 58–59]. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется «индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным сотрудничеством» [7, с. 569].

Ф. Тённис ставил механизм участия в социальной жизни в зависимость от общинного или общественного характера связей и отношений. Основу социальной организации при общинных (общностных) отношениях составляют общие эмоциональ-

ные переживания, личная привязанность и душевная склонность, а именно, собственно родовые или кровно-родовые отношения; отношения соседства (совместное проживание), свойственные брачной и в узком смысле слова семейной жизни, однако в трактовке имеющие более широкий смысл; отношения дружбы, основывающиеся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни. Сущностью общественных отношений является рациональная реализация личных интересов, заключающаяся «в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознать. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру» [8, с. 464].

Э. Дюркгейм считал социальную солидарность универсальной ценностью, объединяющей людей. Он проводил различие между механической и органической солидарностью. Первая господствует в неразвитых, архаических обществах. Она определяется сходством, подобием составляющих их индивидов, неразвитостью индивидуальных черт, одинаковостью исполняемых ими общественных функций. Возникновение органической солидарности Э. Дюркгейм связывал с разделением труда, под которым понимал профессиональную специализацию. Этот процесс все чаще исполняет роль, «которую... некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов» [9, с. 181].

Важный элемент социальной солидарности – коллективные представления, образующие в совокупности коллективное, или общее, сознание. Его отличительным признаком является выражение социальных сходств. Оно существует независимо от индивидов и способно оказывать на них внешнее принуждение. Давая ему определение, Э. Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием». Оно «нечто совершенно иное, чем частные сознания, хотя и осуществляется только в индивидах. Оно – психический тип общества» [9, с. 87].

М. Вебер связывает существование организованной общественной жизни с тем, что социальное поведение индивидов исходит из их представления о существовании легитимного порядка, т. е. власти, которая признается управляемыми, имеет шанс встретить повиновение с их стороны. «Современное государство, по его высказыванию, в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Р.

определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать» [10, с. 614–615]. Легитимные типы господства М. Вебер выделяет исходя из мотивов повиновения власти. Трем таким мотивам соответствуют три типа господства. Традиционный тип господства обусловлен нравами, привычкой к определенному поведению. Он основывается на вере в законность и священность издревле существующих порядков, личной преданности господину. Харизматическое господство опирается на преданность и доверие к личности вождя, обладающего харизмой. Легальный тип господства в качестве мотива уступчивости имеет соображения интереса. Осуществляется такое господство посредством строгого соблюдения законов [10, с. 636–643].

В начале XX в. новым объяснением оснований и механизма выполнения людьми своих социальных функций и обязанностей стала ролевая теория личности. Базовые понятия этой теории – «социальная роль» и «социальный статус». Понятие «социальная роль» ввел Дж. Морено. Различия между ролью и статусом установил Р. Линтон. Социальный статус – это позиция человека в обществе, которой соответствует определенная совокупность прав и обязанностей. Люди имеют несколько статусов (половой, возрастной, семейный, образовательный, профессиональный, экономический, политический и др.). Реализуя права и выполняя обязанности, свойственные занимаемому статусу, личность играет определенную социальную роль. Т. Парсонс классифицировал социальные роли по пяти критериям: по степени эмоциональности (отношения родители – дети или продавцы – покупатели), способу получения (предписанные и достигнутые роли), масштаб охватываемых взаимоотношений (взаимоотношения родственников или пассажиров общественного транспорта), степени формализации (дружеские или служебные отношения) и мотивации. Совокупность ролей образует ролевые сети.

Определяющее значение в принятии индивидом на себя той или иной социальной роли отводится экспектациям (социальным ожиданиям). Выделяют три класса экспектаций: экспектации, заложенные в сценарии, экспектации других актеров, экспектации аудитории. Первые представлены нормами поведения, вторые – требованиями других лиц, третьи – оценками личностей, обладающих статусом референтных (авторитетных) групп.

Отчасти альтернативной методологической позиции для объяснения социальных действий человека придерживался Ч. Х. Кули, основатель концепции зеркального Я. Он исходил из того, что главную

роль в их осуществлении играет зеркальное Я, которое формируется у человека на основе множества его взаимодействий (интеракций). Эта концепция, считал Ч. Х. Кули, состоит из трех компонентов:

- представления о том, каким я кажусь другому человеку, как люди воспринимают меня;
- представления о том, как они оценивают мой образ;
- вытекающего из данной самооценки специфического самочувствия типа гордости или унижения и моих ответных действий².

Развивая эти идеи, Дж. Г. Мид отвел решающую роль в формировании у индивида представлений о своем Я не мнению отдельных людей, а некоему обобщенному Другому, т. е. коллективной установке организованного сообщества или социальной группы³.

В конечном счете становление Я связывается с тремя основными механизмами: сравнением себя с другими людьми (социальным сравнением); усвоением субъектом оценки его другими; самоанализом (саморефлексией), в частности самоатрибуцией (лат. *attributio* – приписывание), т. е. пониманием и объяснением причин своего поведения.

Упорядоченность повседневных действий и взаимодействий можно объяснить, используя введенные Э. Гидденсом понятия «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Первое обозначает, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что те поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидания относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [11, с. 44].

Еще один подход к объяснению упорядоченности социальной жизни предложили П. Л. Бергер и Т. Лукман. Они подчеркивают, что в основе организованной жизни людей лежит типизация повторяющихся успешных человеческих действий. Любой институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, предшествует хабиитуализация (опривычивание человеческой деятельности). Живучесть и сила привычки коренятся в том, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему тем самым психологическое облегчение и освобождая энергию для инноваций [12, с. 89–91]. Как представляется, именно хабиитуализация преимущественно лежит в основе традиционных социальных действий.

²Кули Ч. Х. Первичные группы // Амер. соц. мысль / под ред. Добренкова В. И. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 330–335 ; Он же. Социальная самость // Там же. С. 316–329.

³Мид Дж. Азия // Там же. С. 228–230.

Анализ имеющихся объяснений природы и институционализации социальной жизни показал, что она возможна прежде всего потому, что люди осознают полезность совместного существования для реализации своих потребностей и интересов, обосновывая рассуждениями разума необходимость следования общим нормам и соблюдения ограничений в поведении. Платон исходил из того, что потребности людей создают государство. Каждый человек не может удовлетворить их сам, поэтому люди собираются, чтобы оказывать друг другу помощь. Аристотель считал, что к совместной жизни человек стремится из сознания общей пользы и благоденствия, заключенного в ней. В новое время Т. Гоббс, отвечая на вопрос о том, как возможно существование общества, если «человек человеку волк», также находил ответ в интересах и рассуждениях людей, заключающих ради безопасности договор, согласно которому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена, получая взамен гарантии защиты жизни и собственности.

О. Конт связывал развитие социального чувства с развитием ума, которое усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Об организации жизни в обществе индустриального типа на основе добровольного сотрудничества писал Г. Спенсер. Доминирование в условиях общественных отношений рациональной реализации личных интересов отмечал Ф. Тённис. На легальном типе господства, при котором признание легитимности власти и повиновение ей исходит из обоснованных разумом соображений интереса, было основано, по мнению М. Вебера, современное ему капиталистическое общество.

Отдельный блок поднятых вопросов касается организационной структуры социальной жизни, охватывающей ее экономические, правовые и нравственные основы. Платон думал, что разделение труда – фундамент коллективного существования. Аристотель организационной основой жизни в государстве считал законы, а его социально-экономическую стабильность и справедливость ассоциировал со средним классом. Спустя более чем два тысячелетия Э. Дюркгейм универсальной ценностью, объединяющей людей, назвал основанную на разделении труда социальную солидарность. Конфуций, выделяя нравственные основы социальной

жизни, разработал учение о сыновней почтительности, согласно которому молодые люди вне дома должны показывать уважительность к старшим, как дома – почтительность к родителям. Согласно Платону духовно-нравственные основы жизни в государстве включают мудрость, мужество как гражданское свойство, рассудительность и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. По выражению Аристотеля, добродетель гражданина проявляется в умении властвовать и быть подвластным.

В ролевой теории личности определяющее значение в принятии и исполнении индивидами социальных ролей (основа совместной жизни людей) отводится ожиданиям, иными словами, обычно неформализованным требованиям сообщества. Схожим образом, в теории зеркального Я такая функция принадлежит социальным интеракциям, в конечном счете – коллективной установке социальной группы (ожиданиям, требованиям и т. д.). Взаимные осознанные ожидания в отношении собственного поведения и поведения других Э. Гидденс выразил в понятиях «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Наконец, П. Л. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на то, что в основе институционализации лежат привычки, в которые превращаются человеческие действия, показавшие эффективность. Силу такой привычки, судя по всему, приобрела и совместная жизнь, убедив в своей практической пользе ее участников.

Таким образом, социальная жизнь – это действия людей, которые ориентированы на ценности и нормы, составляющие основу социального порядка. Благодаря этим действиям обеспечивается предсказуемость поведения, его общественная целесообразность и взаимность в отношениях между людьми. Сознательное следование общим ценностям и нормам обусловлено главным образом тем, что люди осознают их полезность для реализации своих интересов. Регулятивными механизмами социально ориентированного поведения разными авторами принято считать следование нормам права и морали, признание легитимного характера власти, социальные ожидания, интеракции и хабиитуализацию. Очевидно, что они в совокупности участвуют в институционализации общественного порядка и основанной на нем совместной жизни людей.

Библиографические ссылки

1. Конфуций. *Жизнь. Учение. Мысли, изречения, афоризмы*. 3-е издание. Юрчук ВВ, составитель. Минск: Современное слово; 2003. 379 с.
2. Платон. *Государство*. В: Лосева АФ, редактор; Егунов АН, переводчик. *Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3*. Москва: Мысль; 1994. с. 79–420.
3. Аристотель. *Политика*. В: Доватур АИ, Кессиди ФХ, редакторы. *Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4*. Москва: Мысль; 1983. с. 375–644.

4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В: Гутерман А, переводчик. *Гоббс. Сочинения в двух томах. Том 2*. Москва: Мысль; 1991. с. 3–590.
5. Лосский Н, переводчик. *Социология Конта в изложении Ригولاжа*. Санкт-Петербург: Издательство Л. Ф. Пантелеева; 1898. 406 с.
6. Spencer H. *First principles*. New York: Appleton; 1896. 612 p.
7. Spencer H. *The principles of ethics. Volume I*. New York: Appleton; 1904. 572 p.
8. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft. *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1955;7(3): 463–467.
9. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Канон; 1996. 432 с.
10. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, составитель. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
11. Гидденс Э. Элементы теории структуризации. В: Леденёва А, переводчик. *Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. с. 40–80.
12. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 336 с.

References

1. Confucius. *Zhizn'. Uchenie. Mysli, izrecheniya, aforizmy* [A life. Teaching. Thoughts, sayings, aphorisms]. 3rd edition. Yurchuk VV, compiler. Minsk: Sovremennoe slovo; 2003. 379 p. Russian.
2. Plato. [State]. In: Loseva AF, editor; Egunov AN, translator. *Platon. Sobranie sochinenii. Tom 3* [Plato. Collected works. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 1994. p. 79–420. Russian.
3. Aristotle. [Politics]. In: Dovatur AI, Kessidi FK, editors. *Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Aristotle. Works in four volumes. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 1983. p. 375–644. Russian.
4. Hobbes T. [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state]. In: Guterman A, translator. *Gobbs. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Hobbes. Works in two volumes. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1991. p. 3–590. Russian.
5. Losskii N, translator. *Sotsiologiya Konta v izlozhenii Rigolazha* [Sociology of Cont as presented by Rigolage]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo L. F. Panteleeva; 1898. 406 p. Russian.
6. Spencer H. *First principles*. New York: Appleton; 1896. 612 p.
7. Spencer H. *The principles of ethics. Volume I*. New York: Appleton; 1904. 572 p.
8. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft. *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1955; 7(3):463–467.
9. Durkheim E. *De la division du travail social*. Paris: F. Alcan; 1893. 471 p.
Russian edition: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Gofman AB, translator. Moscow: Kanon; 1996. 432 p.
10. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, compiler. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
11. Giddens E. [Elements of the theory of structuration]. In: Ledeneva A, translator. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press; 1995. p. 40–80. Russian.
12. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 336 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2022.
Received by editorial board 10.02.2022.